

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.29.56.019

Противопоставимость залога обязательственных прав в российском и французском праве

Хатмулина Римма Ринатовна

Главный юрист по общеправовым вопросам,
Уральский оптико-механический завод им. Э.С. Яламова;
ассистент кафедры гражданского права,
Уральский государственный юридический университет,
620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;
e-mail: kanc@usla.ru

Аннотация

В статье исследуется возникновение понятия «противопоставимости», его применение к залоговому требованию в российском и французском праве. Противопоставимость залога требования является проявлением принципа необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (ст. 1 ГК РФ). Она предполагает обязанность третьих лиц учитывать договор о залоге требования как юридический факт в своей деятельности и обязанность третьих лиц соблюдать субъективные права залогодателя и залогодержателя, возникшие в рамках залогового правоотношения. Выявлено соотношение противопоставимости залога требования третьим лицам и субъективной добросовестности третьего лица в абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ: при отсутствии регистрации уведомления о залоге требования в публичном реестре субъективная добросовестность третьего лица выступает пределом противопоставимости залога требования указанному третьему лицу. Анализируются различия правил абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ и ст. 2361 ФГК об установлении момента противопоставимости залога требования третьим лицам. Таким образом, концепция противопоставимости залога требования третьим лицам представляет собой пример, когда имплементация иностранного правового опыта позволяет без каких-либо кардинальных изменений законодательства посредством телеологического толкования абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ эффективно решить важные проблемы правового регулирования.

Для цитирования в научных исследованиях

Хатмулина Р.Р. Противопоставимость залога обязательственных прав в российском и французском праве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 10А. С. 163-175. DOI: 10.34670/AR.2023.29.56.019

Ключевые слова

Противопоставимость залога обязательственных прав, субъективная добросовестность, правовое регулирование, залог требования, концепция противопоставимости залога требования.

Введение

С учетом заложенной в конструкции залога требования идеи приоритета права залогодержателя в отношении предмета залога по отношению к другим кредиторам залогодателя, говоря о возникновении залога, требуется ответить на вопросы: «С какого момента залог требования действует в отношении третьих лиц?», «Имеет ли значение неосведомленность третьих лиц о возникновении залога требования?» Каким образом могут быть защищены права приобретателей заложенного имущества, которые не знали и не могли знать в момент приобретения о том, что имущество находится в залоге?».

Следует отметить, что отечественный гражданский оборот настойчиво искал правовую формулу, которая позволяла бы обеспечить баланс интересов залогодержателя и третьих лиц в отношении предмета залога. Важная практическая необходимость отыскания ответов на указанные вопросы была обозначена в п. 3.1.3 – 3.1.5 Раздела V Концепции развития гражданского законодательства. Результатом этих поисков стали выработанные судебной практикой посредством аналогии права на основе правил о субъективной добросовестности новые положения ГК РФ о добросовестности залогодержателя (п. 2 ст. 355), о добросовестном приобретателе заложенного имущества (пп. 2 п. 1 ст. 352), а также о действии залога в отношении третьих лиц (п. 4 ст. 339.1).

Последнее из них, наряду с так называемым маркером субъективной добросовестности («третье лицо знало или должно было знать о существовании залога»), содержит и так называемый индикатор хорошо известной французскому и, в целом, европейскому праву (Главе 3 «Действие в отношении третьих лиц» Книги IX Модельных правил европейского частного права) концепции противопоставимости (*conception de l'opposabilité*): «залогодержатель вправе ссылаться на право залога», что вызывает логичные вопросы о соотношении и эффективности такого «симбиоза» обозначенных правовых явлений.

В отечественном праве, несмотря на активное использование термина «противопоставимость» в современной цивилистической литературе [Церковников, 2012, 61-83; Подшивалов, 2015, 39] и арбитражной практике (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.12.2019 г. № Ф09-9479/18 по делу № А07-34985/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.12.2019 г. по делу № А03-6709/2018), какого-либо целостного представления о феномене противопоставимости для российского правопорядка, отвечающего на вопросы: что она собой представляет? каковы условия противопоставимости? – которое позволило бы дать научно обоснованный ответ о моменте, с которого залог требования действует в отношении третьих лиц, не обнаружено. В связи с этим для ответа на поставленные вопросы предпринята попытка теоретического осмысления идеи противопоставимости с учетом опыта французского права, который в отсутствие классического деления добросовестности на объективную и субъективную, ярко демонстрирует причины обращения к понятию противопоставимости, эволюцию научных представлений о нем и высокий уровень практической эффективности концепции противопоставимости в условиях современного гражданского оборота.

Возникновение понятия «противопоставимости», его применение к залогоу требования в российском и французском праве

Сравнительный анализ французской и отечественной правовой доктрины позволяет выделить два общих ключевых момента концепции противопоставимости.

Во-первых, в основе указанной концепции лежит идея об обязанности третьих лиц соблюдать обязательственные права, возникшие из договора, в котором они не участвовали. При этом указанная идея не является изобретением исключительно французских юристов, она, как будет рассмотрено далее в работе, признается и исследуется и в отечественной цивилистике. Доктринальные исследования в данной области связаны с поиском правовых оснований указанной обязанности, а также поиском моделей защиты обязательственных прав сторон договора от их нарушения третьими лицами и оснований ответственности третьих лиц вследствие таких нарушений.

Во-вторых, при решении обозначенных вопросов как французские, так и отечественные юристы первоначально столкнулись с формальным препятствием в виде консервативного толкования положений прежней ст. 1165 ФГК (в действующей редакции ФГК – ст. 1199) и п. 3 ст. 308 и п. 3 ст. 433 ГК РФ об общепризнанном принципе относительного действия договора (обязательства), который, как оказалось в дальнейшем при ближайшем рассмотрении, препятствием вовсе не является.

Следует признать, что французская цивилистическая наука отличается большим разнообразием идей к решению данных вопросов, которые постепенно формировались в силу потребностей оборота, что, несомненно, позволило более обстоятельно исследовать все возможные грани рассматриваемой идеи и представляет большой интерес в плане анализа противопоставимости залога требования в российском праве.

Думается, что более ранний интерес французской доктрины к идее об обязанности третьих лиц соблюдать обязательственные права объясняется следующим обстоятельством. В силу исторических причин применительно к континентальному праву Франция является родиной консенсуальной модели договорного приобретения прав (система соглашения), в то время как отечественному правопорядку исторически характерна система «регистрации прав» [Церковников, 2009, 102-103]. При этом практическая потребность в защите обязательственных прав в отношениях с третьими лицами наиболее явно проявляется при реализации французской системы «регистрации сделок». В связи с этим необходимость в теоретической разработке указанной проблемы более рано и остро возникла именно перед французскими юристами.

Как было указано выше, во французской науке возникновение и развитие концепции противопоставимости связано с общепризнанным принципом относительности договора. В связи с этим, несмотря на значительное число разработанных на сегодняшний день в научной доктрине различных подходов к вопросу о сущности противопоставимости, в основе современного классического понимания концепции противопоставимости всегда лежит всегда идея о связи между противопоставимостью и договором.

Условно разработанные подходы представляют собой различные трактовки двух наиболее распространенных концепций: концепции противопоставимости, связанной с договором как фактом, и концепции противопоставимости, связанной с нормативным действием договора, которые в определенных аспектах перекликаются с воззрениями отечественных цивилистов по вопросу о действии обязательства в отношении третьих лиц:

концепция противопоставимости, связанная с договором как фактом является исторически первой, вызванной потребностями правоприменения, и позволяет объяснить механизм воздействия договора на третьих лиц. В сравнительном аспекте, с точки зрения теории юридических фактов, указанная концепция исходит из представления о договоре как о юридическом акте (преднамеренное волеизъявление, имеющее целью реализовать определенные правовые последствия: создать, изменить, передать или прекратить право),

который противопоставляется юридическим фактам (понятию, объединяющему три вида юридических фактов по российскому праву: события, юридические поступки и неправомерные действия) [Гонгало, 2009, 26]. Ее появление связано с закрепленным в прежней ст. 1165 ФГК принципом относительного действия договора, согласно которому соглашения имеют действие только между договаривающимися сторонами; они не вредят третьим лицам и не приносят им выгод, за исключением случаев, предусмотренных в ст. 1121 ФГК, в которой идет речь о договоре в пользу третьего лица.

Исходным пунктом первых доктринальных исследований понятия противопоставимости была критика традиционного и консервативного буквального толкования ст. 1165 ФГК [Savatier, 1934, 525]. А. Weill характеризовал договор как продукт встречи воли, которые его создают, и имеет обязательную силу только для лиц, которые участвовали в соглашении и получают обязательственные права; но при этом в отношении третьих лиц он создает фактическую ситуацию, которую они не могут игнорировать [Weill, 1938, 279]. В развитие указанного взгляда E. Juille писал, что личный характер обязательства не препятствует тому, что сам «акт-основание обязательства действует *erga omnes*. Другими словами, кредитор по обязательству является кредитором в глазах всех, но является кредитором только по отношению к должнику; должник является должником в глазах всех, но должником только по отношению к кредитору» [Juille, 1904, 74]. S. Calastreng приходит к выводу, что «противопоставимость договора – это необходимость для всех, для сторон и третьих лиц, знать о его существовании и соблюдать (учитывать) его в правовой действительности. Таким образом, эта обязанность верить в его содержание, которая возлагается на всех» [Calastreng, 1939, 363].

При восприятии договора как факта и его противопоставимости всем третьим лицам как необходимости его учитывать договор предстает в качестве источника сведений, информации, или доказательств [Duclos, 1984, 54; Weill, 1938, 208], так называемого «банка данных для третьих лиц» (Arrêt de la première chambre civile de la Cour de Cassation, 03.01.1996: Bulletin des Arrêts des chambres civiles (chambres civiles, commerciale et sociale) de la Cour de Cassation, I, n° 7; p. 5, Defrénois 2006, art. 1022, obs. Ph. Delebecque). Как результат, судьи, рассматривающие дело по существу, могут «черпать из юридических актов, не имеющих отношения к стороне, участвующей в деле, элементы оценки сущности, чтобы прояснить свои решения». В доктрине J. Duclos подчеркивает: «Противопоставимость позволяет только ссылаться на договор, чтобы получить информацию, тогда как доказательственная сила позволяет оценить ценность этой информации. Противопоставимость располагается на стадии возникновения довода, а доказательство на стадии его реализации... «Соглашение не обладает обязательной силой, применяемой к третьим лицам». Фактически информация, получаемая из договора, создает только элемент оценки возмещения убытков, который судья оценивает по свободному усмотрению» [Duclos, 1984, 56-57]. В отечественном праве аналогичный подход к договору как одному из обстоятельств, на которые стороны судебного процесса могут ссылаться для обоснования своей позиции (средство доказывания), сформировался в силу положений закона о доказательствах и доказывании (ст. 55, 56 ГПК РФ, ст. 64, 65 АПК РФ) и рассматриваемого в рамках гражданского процессуального права феномена доказательственной противопоставимости. «Он означает возможность доказательственного противопоставления средства доказывания, представляющего собой юридический акт, не его сторонам, но третьим лицам без утраты средством доказывания своей доказательственной силы» [Грядов, 2011, 8, 14].

центральное место в исследованиях сторонников *концепции противопоставимости, связанной с нормативным действием договора*, занимают вопросы об основаниях

противопоставимости и действию договора, производимом им «за пределами сторон договора», ее разновидностями выступают *концепция противопоставимости, основанная на обязательной силе договора, и концепция противопоставимости, связанная с понятием субъективного права.*

Согласно представлениям сторонников *концепции противопоставимости, основанной на обязательной силе договора,* противопоставимость представляет собой дополнение, необходимое для обязательной силы договора. По мнению J. Ghestin, Ch. Jamin и M. Billiau, «противопоставимость – это универсальное явление, целью которого является признание существования договора третьими лицами, поскольку если бы последним было разрешено не признавать его, на практике он не смог бы достигнуть действительности даже между сторонами». Действительность обязательной силы договора основывается не только на признании сторонами договора своих обязательств, но, равным образом, на признании третьими лицами ситуации, созданной договором. Таким образом, противопоставимость выступает в качестве дополнения, необходимого для обязательной силы договора [Ghestin, Jamin, Billiau, 2001, 766]. Принципиальная идея, на которой основана *концепция противопоставимости, связанная с понятием субъективного права,* и которая признается как отечественными, так и французским юристами, заключается в необходимости защиты любого права от нарушений со стороны третьих лиц [Ghestin, Goubeaux, Fabre-Magnan, 1994]. Иными словами, противопоставимость создает продолжение субъективных прав [Flour, Aubert, Savaux, 2012, 435], «любое субъективное право, каким бы оно ни было, порождает то, что в персоналистской теории называется «всеобщая пассивная обязанность»; нет права, которое не противопоставляется всем» [Ghestin, Goubeaux, Fabre-Magnan, 1994].

В отечественном праве созвучная и значимая идея о «внешнем, опосредованном» действии обязательства в отношении третьих лиц, но без использования понятия противопоставимости была высказана в советский период цивилистики В.К. Райхером, который отмечал, что обязательственное правоотношение «действует, в той или иной мере, и по адресу всех третьих, прочих лиц» [Райхер, 1928, 297]. Также И.Б. Новицкий подчеркивал, что «относительное правоотношение ... действует и по адресу всех третьих лиц, только не прямо, а косвенно, отраженно» [Ortolan, 1880, 38] В результате, по словам О.С. Иоффе, «и личное, обязательственное право требования, принадлежащее кредитору по отношению к должнику, обязан «признавать» и «уважать» не только сам должник, но, без сомнения, «все прочие лица»; «соблюдать» и т.д. – это общий родовый признак всякого правоотношения как общественного отношения», поэтому «обязательственные права приобретают, далее, значение для третьих лиц не только в силу принципа их всеобщей защиты, но также вследствие так называемого отраженного действия, которое они оказывают на права и правовые возможности третьих лиц», в свою очередь, следствием всеобщей защиты субъективных прав является «всеобщая пассивная обязанность» [Грядов, 2011, 617].

наиболее законченный вид идея противопоставимости получила благодаря разработанной во французской доктрине J. Duclos так называемой *универсальной концепции противопоставимости,* определяющей противопоставимость «как присущее явлению правопорядка свойство, посредством которого оно косвенно распространяется за пределы своего прямого действия» [Duclos, 1984, 22]. Автор последовательно отстаивает позицию, что противопоставимость в качестве самостоятельной концепции не ограничивается соглашениями, она относится ко всем юридическим фактам, юридическим актам, правам или ситуациям. Действие противопоставимости в общем смысле заключается в обязанности каждого лица учитывать то, что существует помимо него, и воздерживаться от случайного его нарушения.

Лицо не может поступать, игнорируя других [там же, 23]. По сути, новые правила ст. 1200 ФГК стали воплощением универсальной концепции противопоставимости J. Duclos: «Третьи лица обязаны уважать созданную договором правовую ситуацию. Они вправе ссылаться на договор для подтверждения того или иного обстоятельства».

Можно констатировать, что в современном французском праве при отсутствии легального определения признанный подход к понятию противопоставимости включает все рассмотренные концепции, что нашло отражение в определении данного понятия в современном юридическом словаре, согласно которому, под противопоставимостью понимается «способность права, юридического акта, правовой ситуации или юридического факта дать почувствовать их действие третьим лицам, непосредственно не подчиняя этих третьих лиц обязательствам, созданным указанными элементами, но вынуждать их знать о существовании этих противопоставляемых юридических фактов, прав и юридических актов, соблюдать их как элементы правопорядка и подчиняться их действию при условии их противопоставления, пока законом им не будет предоставлено свое субъективное право» [Comu, 2011].

Анализ французского опыта и складывающихся в отечественных законодательстве, доктрине и правоприменительной практике представлений относительно правового явления, подразумеваемого под французским понятием «противопоставимость» (*opposabilité*), позволяет утверждать, что аналогичное явление обнаруживается и в отечественной правовой действительности, что, в свою очередь, дает основания говорить о возможности восприятия, в том числе в отношении российского залога обязательственных прав, универсального подхода к противопоставимости.

Во-первых, в теоретическом аспекте представляется, что третьи лица как добросовестные участники гражданских правоотношений сами заинтересованы в соблюдении чужого субъективного права. Но для этого указанным лицам необходимо знать об их существовании. Более того, получение указанной информации требуется третьему лицу, в принципе, в рамках проявления должной внимательности и осмотрительности при участии в гражданских правоотношениях. В частности, очевидно, что для потенциального кредитора и залогодержателя должника информация о наличии уже установленных залогов в отношении имущества должника имеет важное значение, с точки зрения оценки возможных рисков.

В этом смысле универсальный подход к концепции противопоставимости может рассматриваться как эффективный прием реализации принципа правовой определенности, поскольку устанавливает вполне четкие ориентиры поведения для участников гражданских правоотношений, в частности, третьих лиц.

В связи с этим можно сделать вывод, что обязанность третьих лиц учитывать и соблюдать чужое субъективное право является следствием необходимости знать о его существовании. Или наоборот, именно известность третьему лицу о существовании субъективного права влечет возникновение так называемого «косвенного действия» субъективного права в отношении третьих лиц в виде обязанности его соблюдать, иными словами сопоставлять свои права и интересы с имеющейся информацией о субъективном праве другого лица и отдавать предпочтение последнему, то есть противопоставлять субъективное право другого лица своему, что и составляет основную идею концепции противопоставимости. Следует заметить, что данное утверждение справедливо и в отношении юридических фактов, в том числе договора.

Во-вторых, значимость противопоставимости залога требования третьим лицам для правового регулирования раскрывается в ее функции - защита права залогодержателя от его нарушения третьими лицами посредством признания правовых последствий действий третьих

лиц, нарушающих противопоставимое право залогодержателя, в отношении последнего ненаступившими. Реализация указанной функции восходит к одному из основных начал гражданского права – принципу необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (ст. 1 ГК РФ). Указанная функция противопоставимости, в свою очередь, позволяет говорить о презумпции противопоставимости залога требования третьему лицу, а также о возможности и способах ее опровержения.

В-третьих, верификация концепции противопоставимости на предмет соответствия необходимым условиям ее заимствования российским правом демонстрирует, что при ее восприятии она гармонично встраивается в традиционные для отечественной цивилистики воззрения на «внешнее действие» обязательственных прав, позволяет их развивать и ее адаптация, по большому счету, не требовала принципиальных изменений законодательства. В качестве яркой иллюстрации можно привести то обстоятельство, что, как и во Франции, в российской правовой действительности одно из проявлений противопоставимости – правило о том, что незарегистрированный договор действует в отношениях между сторонами, но непротивоставим третьим лицам (Постановление Президиума ВАС РФ от 08.04.2008 № 1051/08 по делу № А40-13978/07-60/103; от 06.09.2011 № 4905/11 по делу № А51-23410/2009; Определение ВАС РФ от 14.10.2011 г. № ВАС-11897/11 «об отказе в передаче дела в Президиум ВАС РФ» по делу № А40-1231/10-3-9; п. 14 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды») – было впервые зафиксировано в разъяснениях Высшего Арбитражного Суда РФ.

Таким образом, представляется, что универсальная концепция противопоставимости, логично объясняющая правовое значение юридических фактов и субъективных прав для третьих лиц, соответствует требованиям теоретической обоснованности, концептуальной целостности и в полной мере отвечает требованиям современного российского правопорядка, в частности, в сфере правового регулирования залога обязательственных прав. Под противопоставимостью юридического факта, субъективного права следует понимать свойство юридического факта, субъективного права, которое заключается в их способности ввиду известности третьим лицам обязывать последних их учитывать (в отношении юридического факта) и соблюдать (в отношении субъективного права).

Следовательно, противопоставимость залога обязательственных прав предполагает обязанность третьих лиц учитывать договор о залоге требования как юридический факт в своей деятельности и обязанность третьих лиц соблюдать субъективные права залогодателя и залогодержателя в рамках залогового правоотношения.

Соотношение противопоставимости залога требования третьим лицам и субъективной добросовестности третьего лица

Обращаясь к сравнительному анализу права России и Франции, можно констатировать, что на сегодняшний день применительно к залогам обязательственных прав концепция противопоставимости получила признание *de lege lata*: в положениях абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ и ст. 2361 ФГК проводится четкое различие между моментом возникновения права залога обязательственных прав и моментом, с которого оно должно учитываться и соблюдаться третьими лицами. Указанный подход соответствует современным общеевропейским правовым взглядам, в частности, разработчиками Модельных правил европейского частного права моменту возникновения обеспечения и моменту, с которого обеспечение действует в отношении третьих лиц, посвящены отдельные специальные правила ст. IX.-2:106 «Момент

возникновения обеспечения залогового типа при его предоставлении» Главы 2 «Creation and coverage» (Создание и объем) и ст. IX.-3:101 «Действие в отношении третьих лиц» в Главе 3 «Effectiveness as against third persons» (Действие в отношении третьих лиц) Книги IX «Реальные обеспечения, обременяющие движимое имущество» соответственно. Исходя из концепции противопоставимости, последний из них предполагает осведомленность третьего лица о возникновении залога требования. Функция противопоставимости залога требования третьим лицам, которая заключается в защите права залогодержателя от его нарушения третьими лицами, позволяет говорить о презумпции противопоставимости залога требования третьим лицам. По справедливому утверждению М. Julienne, «залогодержатель не может рассматривать свое право как находящееся под постоянной угрозой [со стороны третьих лиц]» [Julienne, 2012, 27].

Здесь обнаруживается точка соприкосновения между противопоставимостью залога требования и известной российскому праву субъективной добросовестностью третьего лица, последняя из которых в классическом понимании определяется как «незнание лицом обстоятельств, препятствующих приобретению им того или иного права» [Новицкий, 1916, 57]. Французская цивилистика характеризует указанную ситуацию как «правомерное доверие лица сложившейся юридической ситуации» (*croiance légitime*), используя при этом критерий добросовестности третьего лица, но не называя ее субъективной. Рассуждения французских юристов заключаются в следующем: в качестве исходной точки выступает положение о противопоставимости залога третьему лицу, потому что знание третьего лица об этом залоге предполагается, однако, возможны ситуации, когда «видимость этого права» для третьего лица будет по каким-либо причинам искажена [Duclos, 1984, 389], при оценке причин такого искажения в восприятии третьим лицом действительной ситуации учитывается его добросовестность (оценка третьего лица является правдоподобной, в ней нет его вины) [Sourioux, 1982, 5]. По общему утверждению, теория видимости не является «якорем спасения» для небрежных и невнимательных субъектов отношений, но выступает способом защиты для лиц, правомерно поверивших в сложившуюся правовую ситуацию [Ghestin, Goubeaux, Fabre-Magnan, 1994, 840].

Такая корреляция обозначенных подходов проявляется в том, что, во-первых, наличие противопоставимости права залогодержателя всегда предполагает отсутствие субъективной добросовестности третьего лица и наоборот, кратко это звучит: залог требования не противопоставим добросовестному третьему лицу, или, если говорить об их соотношении, то субъективная добросовестность третьего лица выступает пределом противопоставимости права залогодержателя. С точки зрения приведенной в современной цивилистике классификации функций субъективной добросовестности [Васильев А.С., Мурзин, 2020, 70], данный случай представляет собой пример реализации функции превращения противоправного состояния третьего лица в правомерное, иными словами, в целях обеспечения стабильности гражданского оборота исключаются последствия противопоставимости залога требования третьим лицам в виде, например, признания приобретенного третьим лицом требования заложенным или наличия предшествующего залога.

Во-вторых, в обоих случаях постановка вопроса одинакова: «была ли в данном случае [у третьего лица] возможность предвидеть, что придется, быть может, лишиться некоторых благ, входящих в имущество, и могло ли данное лицо сообразовать с этим обстоятельством свой хозяйственный план» [Новицкий, Лунц, 1950, 65]. Как результат, презумпция противопоставимости залога требования третьему лицу, вытекающая из ее функции защиты

права залогодержателя, согласуется с вытекающей из функции субъективной добросовестности в данной ситуации (превращение противоправного состояния третьего лица в правомерное) презумпцией недобросовестности третьего лица.

Установление момента противопоставимости залога требования третьим лицам

В сравнительно-правовом аспекте различия правил абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ и ст. 2361 ФГК касаются установления момента противопоставимости залога требования третьим лицам и подходов к возможности и порядку опровержения указанных выше презумпций.

Как ГК РФ, так и ФГК предусматривают для залогодержателя инструмент придания презумпции противопоставимости залога требования третьему лицу статуса неопровержимой, но подходят к этому по-разному. Если ГК РФ устанавливает формальное требование о регистрации уведомлений о залоге в специальном публичном реестре, который ведется в порядке, установленном законодательством о нотариате (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.12.2019 № Ф09-9479/18 по делу № А07-34985/2017, п. 8 Рекомендаций Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа (утв. на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 26.04.2019)), ориентированное, в первую очередь, на защиту интересов третьих лиц – других кредиторов залогодателя, что выступает его несомненным достоинством, то ФГК отражает более радикальный подход, придавая противопоставимости залога требования третьим лицам статус неопровержимой с даты заключения договора о залоге (ст. 2361 ФГК), именуемый в цивилистике «принципом немедленной противопоставимости залога требования» (*principe d'opposabilité immédiate du nantissement*). В данном случае сфера для применения субъективной добросовестности третьего лица, в принципе, отсутствует.

С точки зрения оценки целесообразности такого решения, во французской доктрине риск его негативных последствий для третьих лиц рассматривается только в плоскости возможности обратного датирования договора о залоге, иными словами, проблемы достоверного установления даты возникновения залога требования. Этот риск, по мнению М. Julienne, нивелируется большой свободой в отношении средств доказывания как определенной даты договора о залоге, так и ее недостоверности, например, залогодержатель должен доказать предоставление кредита, обосновывающего принятие обеспечения, единственная ссылка в договоре о залоге, которая не подтверждается иными обстоятельствами, не будет рассматриваться судом в качестве достаточного доказательства даты возникновения залога [Julienne, 2012, 34; Cabrillac, 2011]. Указанный подход получил закрепление в новой редакции ст. 2361 ФГК 2021 года, дополненной положением о возложении бремени доказывания даты заключения договора о залоге в случае ее оспаривания на залогодержателя, который вправе использовать для этого любые средства доказывания».

Несмотря на критику избранного французским законодателем подхода со стороны некоторых представителей правовой науки как ведущему к приданию залогу требования «действия тайного обеспечения» [Ghestin, 1982, 272], большинство авторов оценивает такое решение как целесообразное и учитывающее всю совокупность не только юридических, но и экономических аспектов: с точки зрения цели правового регулирования залога требования, при выборе новых правил речь шла не о создании правового режима, идеального в теоретическом плане, а об установлении требований, которые отличаются гибкостью и простотой в

соблюдении, что соответствует потребностям современного оборота [Julienne, 2012, 33, 35] и, тем самым, повышает привлекательность французского правового порядка для потенциальных инвесторов.

Вместе с тем, в сравнительном плане правило ст. 2361 ФГК о возможности оспаривания даты заключения договора о залоге при интерпретации абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ наводит на мысль о возможности опровержения презумпции противопоставимости залога требования третьему лицу даже в случае регистрации уведомления о залоге в специальном публичном реестре в ситуации, когда на момент возникновения залога требования оно уже было заложено. Основанием для ее опровержения также выступает субъективная недобросовестность, но уже самого залогодержателя. Другими словами, если залогодержателю при установлении залога требования было или могло быть известно о существовании в отношении требования предыдущего залога, регистрация уведомления о котором в публичном реестре отсутствует, регистрация в публичном реестре уведомления о последующем залоге не влечет его противопоставимости предыдущему залогу требования (абз. 4 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей»). Таким образом, презумпции противопоставимости залога требования третьему лицу в случае регистрации уведомления о залоге в специальном публичном реестре придается статус неопровержимой только в отношении последующих залогов требования.

Что касается позитивного выражения отечественной презумпции недобросовестности третьего лица в виде формулировки «...третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого», то, прежде всего, видится обоснованным высказанный А.С. Васильевым и Д.В. Мурзиным применительно к п. 2 ст. 335, пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ вывод о необходимости ее замены на формулировку «...третье лицо знало или могло знать ...», предполагающую «инициативность субъекта [третьего лица], его обязанность по поиску информации об обстоятельствах, которые не лежат на поверхности», иными словами, «повышенные требования к предусмотрительности ответственного субъекта» [Васильев, Мурзин, 2020, 75]. Отдельные фрагменты арбитражной практики в отношении залога движимых вещей свидетельствуют о позитивной тенденции к восприятию указанного подхода, например, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2019 г. № 15АП-18835/2018 по делу А32-17550/2015. Во французской науке в рамках общей теории противопоставимости аналогичный вывод об обязанности третьего лица по поиску информации для опровержения презумпции противопоставимости высказывается J. Duclos: «Доказательства осведомленности третьего лица, на самом деле, не требуется, поскольку юридическая ситуация признается известной всем: если третье лицо не докажет, что эта действительная ситуация была от него скрыта каким-либо неправомерным способом, принцип противопоставимости, основанный на презумпции осведомленности, будет применен автоматически» [Duclos, 1984, 390].

С одной стороны, требование инициативности третьего лица по поиску информации о залоге в целях опровержения презумпции его недобросовестности признается некоторыми арбитражными судами и подразумевается, когда в судебных актах идет речь о повышенном стандарте разумности и осмотрительности залогодержателя при совершении сделок в случае, если отношения между залогодателем и третьим лицом сопряжены с профессиональной деятельностью третьего лица. Например, судами указывается на обязанность залогодержателя в целях проверки качества предлагаемого заемщиком обеспечения выполнить документальную проверку прав залогодателя на передаваемое в залог имущество ввиду наличия в бухгалтерской

документации должника значительных кредитных обязательств перед банками (Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2017 г. № 07АП-3430/16(10), № 07АП-3430/16(11) по делу № А45-1100/2017); проверить статус залогодателя как собственника железнодорожных вагонов в системе регистрации вагонов (требование о пономерном учете в Росжелдоре, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.06.2019 г. № Ф09-3005/19 по делу А34-15161/2017). С другой стороны, реализация предложенной выше корректировки позволила бы избежать ошибочной интерпретации судами действующей редакции абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ как обязанности залогодержателя «доказать информированность иных конкурсных кредиторов об обременении имущества должника в свою пользу, опровергнув тем самым презумпцию их неосведомленности, подтвердив абсолютный обеспечительный эффект сделки залога» (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.06.2020 г. № Ф03-1459/2020 по делу № А73-4601/2019).

Заключение

Таким образом, концепция противопоставимости залога требования третьим лицам представляет собой пример, когда имплементация иностранного правового опыта позволяет без каких-либо кардинальных изменений законодательства посредством телеологического толкования абз. 3 п. 4 ст. 339.1 ГК РФ эффективно решить важные проблемы правового регулирования. В частности, с учетом презумпции противопоставимости залога требования третьим лицам в сочетании с презумпцией субъективной недобросовестности третьего лица установлены соотношение предшествующего и последующего залогов требования (п. 5 ст. 342, п. 1 ст. 342.1 ГК РФ), правила о добросовестном приобретателе заложенного требования (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ).

Библиография

1. Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 65-77.
2. Гонгало Ю.Б. Юридико-фактические основания динамики наследственного правоотношения: Сравнительное исследование права России и Франции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 361 с.
3. Грядов А.В. Доказательственная сила нотариального акта в праве России и Франции: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2011. 24 с.
4. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. 777 с.
5. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте Гражданского уложения // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 56-90.
6. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. 412 с.
7. Подшивалов Т.П. Защита интересов добросовестного приобретателя в законодательстве России и зарубежных стран // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. С. 37-40.
8. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института: Вып. 1. 1928. С. 273-306.
9. Церковников М.А. Приобретение права собственности на движимые вещи посредством соглашения: французский и российский опыт // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 102-141.
10. Церковников М.А. Регистрация сделок с недвижимостью во Франции: принцип противопоставимости // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 61-83.
11. Cabrillac M. Formes particulières de nantissement commercial // *Juris-Classeur Commercial*. 2011. Fasc. 398. № 8.
12. Calastreng S. La relativité des conventions, Etude de l'article 1165 du Code civil. 1939. 427 p.
13. Cornu G. Vocabulaire juridique. Association Henri Capitant, 2011. URL: [https://insidercambodia.asia/files/Vocabulaire%20juridique%20by%20G%C3%A9rard%20Comu%20\(z-lib.org\).pdf](https://insidercambodia.asia/files/Vocabulaire%20juridique%20by%20G%C3%A9rard%20Comu%20(z-lib.org).pdf)
14. Duclos J. L'opposabilité, Essai d'une théorie générale. 1984. 544 p.

15. Flour J., Aubert J.-L., Savaux E. Droit civil, Les obligations, L'acte juridique. Sirey, 2012. 530 p.
16. Ghestin J. Le contrat dans le nouveau droit quebécois et en droit français. Principes directeurs, consentement, cause et objet. 1982. 321 p.
17. Ghestin J., Goubeaux G., Fabre-Magnan M. Traité de droit civil. Introduction générale. 1994. 891 p.
18. Ghestin J., Jamin C., Billiau M. Traité de droit civil. Les effets du contrat. 2001. 1340 p.
19. Juille E. Effet des actes juridiques a l'égard des tiers. 1904.
20. Julienne M. Le nantissement de créance. 2012. 524 p.
21. Ortolan M. La Généralisation du droit romain et Explication historique des instituts de l'empereur justinien. 1880. 418 p.
22. Savatier R. Le pretend principe de l'effet relative des contrats. Revue trimestrielle de droit civil. 1934. 525 p.
23. Souriou J.-L. La croyance légitime // JurisClasseur périodique (La Semaine juridique) édition générale. 1982. I. 3058.
24. Weill A. Le principe de relativite des convensions en droit privé français. 1938. 1036 p.

Pledge of obligations Effectiveness in Russian and French law

Rimma R. Khatmulina

General Legal Issues Chief Lawyer,
Ural Optical-Mechanical Plant;
Assistant of The Department of Civil Law,
Ural State Law University,
620137, 21, Komsomol'skaya str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: kanc@usla.ru

Abstract

The article examines Effectiveness conception origination, its application to pledge of obligation in Russian and French law. Pledge of obligations Effectiveness is an aspect of civil rights unhindered exercise principle (article 1 of the Russian Civil Code). It implies the third persons' obligation to consider the pledge of obligation contract as a Legal Fact in their activity and the third persons' obligation to respect the pledgee's and mortgagor's rights in pledge relations. The article reveals Correlation of Pledge of obligations Effectiveness against third person and subjective good faith of this third person (Paragraph 3 Point 4 article 339.1 of the Russian Civil Code): without Pledge of obligations Declaration in Notarial Registry subjective good faith of the third person is a Pledge of obligations Effectiveness limit. The differences in Pledge of obligations Effectiveness time of Paragraph 3 Point 4 Article 339.1 of the Russian Civil Code and Article 2361 of the French Civil Code is analyzed. Thus, the concept of the opposition of a pledge of claim to third parties is an example when the implementation of foreign legal experience allows, without any fundamental changes in legislation, through a teleological interpretation of paragraph. 3 p. 4 art. 339.1 of the Civil Code of the Russian Federation effectively solve important problems of legal regulation.

For citation

Khatmulina R.R. (2023) Protivopostavimost' zaloga obyazatel'stvennykh prav v rossiiskom i frantsuzskom prave [Pledge of obligations Effectiveness in Russian and French law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (10A), pp. 163-175. DOI: 10.34670/AR.2023.29.56.019

Keywords

Pledge of obligations effectiveness, subjective good faith, legal regulation, pledge of claim, concept of contrariety of pledge of claim.

References

1. Cabrillac M. (2011) Formes particulières de nantissement commercial. *Juris-Classeur Commercial*, 398, 8.
2. Calastreng S. (1939) *La relativité des conventions, Etude de l'article 1165 du Code civil.*
3. Cornu G. (2011) *Vocabulaire juridique.* Association Henri Capitant. Available at: [https://insidercambodia.asia/files/Vocabulaire%20juridique%20by%20G%C3%A9rard%20Cornu%20\(z-lib.org\).pdf](https://insidercambodia.asia/files/Vocabulaire%20juridique%20by%20G%C3%A9rard%20Cornu%20(z-lib.org).pdf) [Accessed 11/11/2023]
4. Duclos J. (1984) *L'opposabilité, Essai d'une théorie générale.*
5. Flour J., Aubert J.-L., Savaux E. (2012) *Droit civil, Les obligations, L'acte juridique.* Sirey.
6. Ghestin J. (1982) *Le contrat dans le nouveau droit québécois et en droit français. Principes directeurs, consentement, cause et objet.*
7. Ghestin J., Goubeaux G., Fabre-Magnan M. (1994) *Traité de droit civil. Introduction générale.*
8. Ghestin J., Jamin C., Billiau M. (2001) *Traité de droit civil. Les effets du contrat.*
9. Gongalo Yu.B. (2009) *Yuridiko-fakticheskie osnovaniya dinamiki nasledstvennogo pravootnosheniya: Sravnitel'noe issledovanie prava Rossii i Frantsii. Doct. Dis.* [Legal and factual foundations of the dynamics of inheritance legal relations: A comparative study of the law of Russia and France. Doct. Dis.]. Yekaterinburg.
10. Gryadov A.V. (2011) *Dokazatel'stvennaya sila notarial'nogo akta v prave Rossii i Frantsii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. Doct. Dis.* [Evidentiary power of a notarial act in the law of Russia and France: comparative legal research. Doct. Dis.]. Yekaterinburg.
11. Ioffe O.S. (2000) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaistvennogo prava»* [Selected works on civil law: From the history of civil thought. Civil legal relations. Criticism of the theory of "economic law"]. Moscow.
12. Juille E. (1904) *Effet des actes juridiques a l'égard des tiers.*
13. Julienne M. (2012) *Le nantissement de créance.*
14. Novitskii I.B. (1916) Printsip dobroj sovesti v proekte Grazhdanskogo ulozheniya [The principle of good conscience in the draft Civil Code]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 6, pp. 56-90.
15. Novitskii I.B., Lunts L.A. (1950) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General doctrine of obligation]. Moscow.
16. Ortolan M. (1880) *La Généralisation du droit romain et Explication historique des instituts de l'empereur justinien.*
17. Podshivalov T.P. (2015) Zashchita interesov dobrosovestnogo priobretatelya v zakonodatel'stve Rossii i zarubezhnykh stran [Protecting the interests of a bona fide acquirer in the legislation of Russia and foreign countries]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 11, pp. 37-40.
18. Raikher V.K. (1928) Absolyutnye i otnositel'nye prava (k probleme deleniya khozyaistvennykh prav) [Absolute and relative rights (to the problem of division of economic rights)]. In: *Izvestiya ekonomicheskogo fakul'teta Leningradskogo politekhnicheskogo instituta: Vyp. 1* [News of the Faculty of Economics of the Leningrad Polytechnic Institute: Vol. 1].
19. Savatier R. (1934) *Le prétend principe de l'effet relative des contrats. Revue trimestrielle de droit civil.*
20. Sourieux J.-L. (1982) La croyance légitime. *JurisClasseur périodique (La Semaine juridique) édition générale*, I, 3058.
21. Tserkovnikov M.A. (2009) Priobretenie prava sobstvennosti na dvizhimye veshchi posredstvom soglasheniya: frantsuzskii i rossiiskii opyt [Acquisition of ownership of movable things through an agreement: French and Russian experience]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 3, pp. 102-141.
22. Tserkovnikov M.A. (2012) Registratsiya sdelok s nedvizhimost'yu vo Frantsii: printsip protivopostavimosti [Registration of real estate transactions in France: the principle of opposition]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 3, pp. 61-83.
23. Vasil'ev A.S., Murzin D.V. (2020) Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: funktsii, stepeni, prezumptsii [Subjective integrity in civil law: functions, degrees, presumptions]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of economic justice of the Russian Federation], 3, pp. 65-77.
24. Weill A. (1938) *Le principe de relativité des conventions en droit privé français.*